

УДК 94(47).084.6

ББК 63.3(2)62

Проблема сохранения памяти и формирование идентичности (на примере памяти о Великой Отечественной войне)

С.Н. Погодин, З.З. Бахтуридзе

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

The Problem of Memory Preservation and Identity Formation (on the Example of the Great Patriotic War Memory)

S.N. Pogodin, Z.Z. Bakhturidze

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia)

Значимые события прошлого всегда были важнейшими аспектами в структурировании национальной памяти. Очевидно, что они также становятся ключевыми элементами при формировании идентичности. Поэтому использование различных фальсификаций, искажений истории, манипуляций в данной области представляется вполне логичным в рамках ведущейся информационной войны. Обесценивание и обезличивание памяти о Великой Отечественной войне, невосполнимых потерях и жертвах советских людей, подвигах во имя Родины и победы над фашизмом имеют сокрушительную силу, уничтожают интеграционный потенциал советского прошлого, разрушительно воздействуют на формирование идентичности, которая должна быть связана с правильной интерпретацией героической роли советского народа. Гордость за прошлое своей страны способствует формированию гражданского самосознания и позитивному осознанию своей принадлежности. Корни такого восприятия — в рассказах очевидцев тех событий, которых с каждым годом становится все меньше, в процессе социализации, в школьных учебниках истории. В условиях свободы выбора, при все более возрастающей виртуальной составляющей жизни, в которой существуют возможности погружения личности в формат совершенно иного социокультурного пространства, с иной системой ценностей и смыслов, глобальная элита навязывает новые стандарты и определяет поле выбора современной молодежи. Вместе с тем наша образовательная задача — сохранение и воспроизведение памяти для последующих поколений.

Ключевые слова: идентичность, миф, память, Великая Отечественная война, манипулирование, сознание, образование.

Significant events of the past have always been the most important aspects in the structuring of national memory. Obviously, they also become key elements in the formation of identity. Therefore, the use of various falsifications, distortions of history, and manipulations in this area seems to be quite logical in the framework of the ongoing information war. The devaluation and depersonalization of the Great Patriotic War memory, of the irreplaceable losses and sacrifices of the Soviet people, of exploits in the name of the Motherland and in the name of victory over fascism have crushing power, destroy the integration potential of the Soviet past, have a destructive effect on the formation of an identity that should be associated with the correct interpretation of the heroic role of the Soviet people. Pride in the past of one's country contributes to the formation of civic consciousness and a positive awareness of one's belonging. The roots of this perception are in the stories of eyewitnesses of those events, which are becoming less and less every year, in the process of socialization, in school history textbooks. In conditions of freedom of choice, with an ever-increasing virtual component of life, in which there are opportunities for the individual to immerse themselves in the format of a completely different socio-cultural space, with a different system of values and meanings, the global elite imposes new standards and determines the field of choice for modern youth. At the same time, our educational task is the preservation and reproduction of memory for future generations.

Key words: identity, myth, memory, the Great Patriotic War, manipulation, consciousness, education.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-06

Понятия «историческая память» и «идентификация» неотделимы друг от друга, поскольку сохранение памяти является важнейшим условием самоопределения индивида и укрепления единства социальных групп. Как отмечает В.А. Тишков, «без истории нет и самой идентичности, если понимать под последней чувство сопричастности той или иной общности, культуре, ценности» [1], а по мнению В.А. Шнилермана, «образ прошлого — это культурный конструкт, параметры которого задаются особенностями настоящего» [2]. Если вспомнить этимологию, значение слова память: дополнительное думание, т.е. то, что мы храним в запасе дополнительно к тому, о чем говорим и думаем сейчас, а значит, помнить — это думать о том, что осталось позади. Ко всему прочему память способна не только хранить информацию длительное время, но и воспроизводить прошлый опыт, что, несомненно, может отражаться и на поведении людей. В этой связи важно проанализировать современные тенденции трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне, что особенно важно в условиях развернувшейся в глобальном информационном пространстве кампании по пересмотру многих событий военной истории. Сегодня огромную роль во всем этом играет интернет, в результате чего в последние годы наблюдается вытеснение «печатных» образов прошлого виртуальными. И в этом плане большой груз ответственности ложится на школьное образование. «Так, социологический опрос, проведенный в конце 1990-х — начале 2000-х гг., показал, что люди, получившие образование в советское время, много лучше знали о Великой Отечественной войне, чем те, кто учились в школе в 1990-е гг. Источником современной исторической памяти <...> являются данные, полученные из средств массовой информации, художественной и научно-популярной литературы, кинофильмов и, в особенности, школьных учебников» [2]. В своем апрельском послании Федеральному Собранию (2021 г.) Президент В.В. Путин, выражая удивление по поводу содержания учебников истории, в которых не нашлось места истории Сталинградской битвы, сказал: «До сих пор открываю школьные учебники, с удивлением смотрю, что там написано — как будто это не про нас» [3].

Предать забвению — означает утрачивать воспоминания. Это значит не только утратить воспоминания о Великой победе, ставшей частью национального самосознания, это также позабыть о том, какой ценой она была завоевана, позабыть о многих миллионах людей, память о которых священна... В 2004 г., выступая в Бундестаге, Даниил Гранин отметил: «Я долго не решался написать о своей войне. Но все-таки написал об этом книгу не так давно. Рассказал о том, как я воевал. Зачем я это сделал? Наверно, это было подспудное желание рассказать всем моим погибшим однополча-

нам, которые погибли, не зная, чем кончится эта война, не зная, будет ли освобожден Ленинград. Я хотел сообщить им, что мы победили. Что они не зря погибли» [4].

Важно отметить, что для сохранения исторической памяти большую роль играют ежегодные празднования Дня Победы, причем важно использовать инновационные методы воспроизводства исторической памяти. В этой связи необходимо отметить новую традицию, широко поддержанную всеми поколениями граждан России — шествия с портретами родных и близких, которые участвовали в войне. В то же время в федеративном государстве субъектом конструирования и поддержания памяти является не только федеральный центр, но и автономии, поэтому следует различать общенациональную и региональную/локальную память вместе с ее особыми мемориальными комплексами. Так, наряду с государственным праздником Победы 9 мая, в различных регионах России имеются свои места памяти, связанные с трагическими событиями Великой Отечественной войны. Как отмечает В.А. Шнилерман, в ряде республик Северного Кавказа имеются мемориалы жертвам депортации, рядом с которыми ежегодно проводится День скорби. В свою очередь, адыги помнят о мохаджирстве, и эта память тоже поддерживается на Северном Кавказе. Евреи помнят о Холокосте и заботятся о том, чтобы память о геноциде находила отражение на памятниках, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Иногда на этой почве возникает конфликт между государством и определенными частями общества. Так, в последние годы в целях консолидации общества Российское государство заинтересовано в маргинализации некоторых чувствительных исторических событий. Например, факты депортации почти не находят места в школьных учебниках, но народы, пережившие депортацию, вовсе не склонны о ней забывать [2].

В контексте формирования региональной идентичности следует отметить, что для петербуржцев ее значимой частью являются события, связанные с блокадой Ленинграда. Это подтверждается и значимым количеством отражений данной темы в разных формах искусства, и постоянным интересом к тем или иным фактам или их интерпретациям. В частности, всем памятный скандал на телеканале «Дождь», продемонстрировавший низкий уровень грамотности журналистов и историков. Но здесь идет речь не только об упущениях в образовании или нехватке архивной информации, проблема еще и в том, что с конца 1980-х гг. были разрушены институты, занимавшиеся исследованиями, направленными на сохранение национальной исторической памяти. По сути, работа над сохранением и формированием региональной идентичности была отдана на откуп отдельным энтузиастам, которые не могли широко декларировать свои идеи. Представляется, что в дальнейшем, ситу-

ация стала развиваться в русле возврата к необходимости работы над региональной и национальной идентичностью на государственном уровне, на уровне субъектов Федерации. В частности, опросы социологической школы Санкт-Петербургского государственного университета, проводимые среди разных этнических групп Санкт-Петербурга, показывают, что для них самым важным элементом идентичности является факт принадлежности к городу (ощущают себя петербуржцами), затем отмечается принадлежность к этносу, а в третью очередь — к религии. Очевидно, что не последнюю роль в этом сыграла трагическая и героическая история города.

Для каждого поколения — свое время. Оно сродни испытанию, проверке на прочность, шанс узнать и обрести себя, быть собой во имя или вопреки. В поиске ответов на бесчисленные вопросы, в процессе обретения идентичности, человек невольно погружается в прошлое, в историю своего народа, своей страны. Вместе с тем передача памяти о прошлом связана с проблемой трансформации истории, когда события, их первопричины и последствия до неузнаваемости искажаются, что увеличивает возможности манипулирования массовым сознанием для навязывания чуждых ценностей и смыслов, искусно смоделированных и способных привести к серьезным переменам в настоящем и будущем, оказывающих воздействие на формирование идентичности.

Нам представляется, что «идентичность всегда сопряжена с личным выбором, и ее задают параметры на уровне смыслополагания и общих представлений, складывающихся в определенные картины мира. Идентичность делит мир на «свое» и «чужое», и это разделение имеет важные последствия, например, в политическом процессе. Значимую роль играет система понятий, сопрягающая идентичность с предрасположенностью к определенным реакциям. Такие понятия иногда собирательно именуют диспозиционными» [5, с. 58]. В этой связи интересно проследить процесс становления в России празднования национального дня — Дня России, который был установлен в честь принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Однако, как показывают различные замеры общественного мнения, отношение к этому празднику в России неоднозначно: многие рассматривают этот день как негативное событие, ускорившее распад СССР. Роль общенационального праздника выполняет День Победы.

Человек, реализующий свою свободу, например, в поиске идентичности, всегда оказывается погруженным в социальную действительность, наполненную, в том числе, стереотипами, клише, предубеждениями, предрассудками, все это тоже формирует пространство его выбора. Человек в той или иной мере ограничен этим полем, а также множеством других факторов, среди которых, в частности, уро-

вень его культуры, социальное окружение, способность к саморефлексии и, конечно же, знания, воспитание и образование. Духовная свобода личности, «даже если не осознается человеком как наличествующий факт, остается уже его неотъемлемой чертой. Проблема бегства от свободы, о которой писал еще Э. Фромм, трансформировалась в бегство от ответственности за собственную идентичность. При этом образование, сосредоточенное только на передаче знаний, оставляет человека в одиночестве нравственного вопрошания о смысле» [6, с. 133]. Поэтому не только передача объективной и правдивой информации, но и придание смыслов должно оставаться одной из базовых функций образования, особенно когда речь идет о таких эмоционально окрашенных темах, как Великая Отечественная война.

Обращение к теме памяти о Великой Отечественной войне вполне закономерно влечет за собой вопрос о том, как эту память сегодня сохраняют и передают новым поколениям. Изучая этот вопрос, мы совершенно отчетливо понимаем, что былого единения по отношению к подобным темам не осталось и в помине. Это связано с тем, что все образовательные системы в той или иной мере изменились, и на постсоветском пространстве уже практически нет традиционных советских версий образовательного контента в чистом виде, и прежде всего, что вполне понятно, это касается преподавания истории. Новые поколения каждый раз так или иначе видоизменяют представления о предыдущих эпохах, а когда речь идет об актуальном историческом наследстве, борьба различных сил за сохранение памяти или ее изменение может приобретать конфликтные формы, а в периоды трансформаций корректировка исторической памяти зачастую оказывается важным инструментом борьбы за власть.

Одной из заметных общих тенденций последнего времени в освещении Великой Отечественной войны стала определенная демилитаризация содержания школьных курсов истории и дегероизация войны. Все чаще в школьных учебниках описывается, как жили в тылу и в оккупации простые граждане, все больше внимания обращено к жертвам войны. Современные молодые люди склонны размышлять о просчетах советского руководства, тех поражениях, к которым они приводили, о той невысказанной высокой цене, которую заплатил за победу советский народ, о том, как много было предательств, изменников, жизни и судьбах людей, оказавшихся в центре этих страшных событий. Все меньше и реже задумываются и говорят о примерах величайшего самопожертвования во имя Родины и Победы, о подвигах и героизме, о бесконечной вере и верности, тем самым отстраняясь от духовно-нравственного климата и системы убеждений, которые были основой общественной жизни того времени. Рассуждая о событиях военного прошлого, многие современники опери-

руют сегодняшними категориями и представлениями, формируя своими оценками весьма искаженную картину реальности.

Следует отметить, что подобная ситуация сложилась и в Европе, где на сегодняшний день наблюдается тенденция «размывания» темы итогов Второй мировой войны, а переписывание ее истории многими странами-участницами «нередко направлено на радикальную смену устоявшихся представлений о том, кто в той войне был победителем, а кто побежденным; кто проиграл, а кто выиграл; кто был агрессором и захватчиком, а кто — защитником и жертвой» [7, с. 8]. Военное прошлое задевает национальное самолюбие и, безусловно, остается важным элементом исторической репутации государства. Это память, «выступающая как послание из прошлого, как важная часть духовного наследия предыдущих поколений, как фактор, влияющий на выработку коллективных ценностей и коллективного поведения» [8, с. 34]. Именно поэтому на протяжении многих лет столько усилий тратится на то, чтобы сконструировать различные мифы. Более того, часто они применяются в рамках информационных войн. В этом ключе определенный интерес представляет исследование, в котором отмечается, что в современной войне используются методы гиперкласса «Квазиоружие» — инициированные экономико-социальные явления, из которых черпается основная энергия на развитие поражающих факторов [9, с. 46]. Так, процессы, протекающие в ментальной сфере, оказываются под наибольшим воздействием. Не последнее место в этих процессах занимает память о войне. Различные интерпретации событий Второй мировой и Великой Отечественной войны можно назвать войной мифов, а школьные учебники истории — продуктом этой войны. Очевидно, картина мира, представленная в учебниках, наиболее отчетливо выносит на всеобщее обозрение идеологические установки властвующих элит и общественные интересы. Немаловажное значение в формировании подобной ситуации имеет потребность новых, независимых стран повысить свой статус, стать более достойными членами европейского сообщества, а также стремление национальных элит к историческому реваншу и исторической реабилитации.

По мнению А.И. Извекова, современные социальные институты образования утрачивают воспи-

тательную функцию, «правовой вакуум» третьего порядка» все еще позволяет сформулировать понятие гражданина, однако смысл чувства патриотизма оказывается все менее определенным» [10, с. 68]. Следовательно, по сути, «современной педагогике воспитания известно, что надо делать, чтобы научить быть «правильным» гражданином, но не известно, что следует предпринять, чтобы воспитать патриота, то есть личность, свободно выбирающую любовь к Родине» [6, с. 124].

Таким образом, перед обществом стоит очень серьезная проблема сохранения памяти и преемственности поколений. Раньше среди основных источников знаний о войне у всех поколений фигурировали семейные воспоминания и встречи с ветеранами, а сегодня этот канал передачи информации по объективным причинам становится все скуднее. Ко всему прочему, современная молодежь больше смотрит кино, нежели читает книги, и на то, какие фильмы о войне показывают сегодня, тоже следует обратить особое внимание, так как они, воздействуя на эмоциональную сферу, способны препятствовать критическому осмыслению и формировать искаженные представления [6, с. 166]. На сегодняшний день «основанием для гордости и источником патриотических настроений» все еще остается историческое прошлое. А одной из неоспоримых ценностей — победа во Второй мировой и Великой Отечественной войнах [11, с. 27]. Но как удержать патриотическую настроенность, если действительность «формирует иную — вненациональную культурную идентичность; если виртуальная жизнь может казаться важнее реальной; если современные средства коммуникаций позволяют отрывать личность от локального контекста и привязывать его к иному культурному пространству; если глобальная элита размывает традиционные национальные ценности, навязывая новые стандарты?» [11, с. 28].

Несмотря на угрозы и вызовы глобального информационного общества, необходимо грамотно использовать его ресурсы и возможности для сохранения и воспроизведения правильной и объективной памяти как о Великой Отечественной, о Второй мировой войне, так и о других событиях прошлого, которые стали органичной частью региональной идентичности. В этом — наш долг и наша ответственность перед будущими поколениями.

Библиографический список

1. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31).
2. Шнилерман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018.
3. «Как будто не про нас»: Путина удивили некоторые школьные пособия по истории // НТВ.Ru. 21.04.2021. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2541882/>

4. Даниил Гранин: Депутатам Бундестага о блокаде Ленинграда. URL: <https://www.pravmir.ru/nado-umet-proshhat-po-nado-umet-i-romnit/> (дата обращения 26.04.2021).
5. Андреев А. Л. Политическая психология. М., 2002.
6. Извеков А.И., Бахтуридзе З.З. Кризис идентичности как социокультурное явление: духовная свобода личности и манипуляция массами. СПб., 2012.
7. «Расскажу вам о войне...». Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / отв. ред. Т.С. Гузенкова. М., 2012.
8. Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках истории стран СНГ и ЕС: проблемы, подходы, интерпретации : материалы Межд. конф. / под ред. Т.С. Гузенковой, В.Н. Филяновой. М., 2010.
9. Ковалев В.И. «Завтра война?» Дискурсивный анализ глобальных процессов в мир-системе // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М., 2014.
10. Извеков А.И., Бахтуридзе З.З. Манипуляция массовым сознанием: жертвы и бенефициары. СПб., 2021.
11. Семёнова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009.